

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

НИКОЛАЙ
СВЕЧИН

МОСКОВСКИЙ
АПОКАЛИПСИС



Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Московский апокалипсис / Николай
Свечин. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. —
(Императорский детектив Н. Свечина).

ISBN 978-5-04-229907-0

Москва 1812 года. Дворянин Петр Ахлестышев обвинен в убийстве, которого не совершал. Князю Шехонскому удается подкупить полицию, чтобы устранить нежелательного конкурента и жениться на возлюбленной Ахлестышева — Ольге Барыковой. Потеряв не только титул, но и свою невесту, Петр ждет отправки по этапу. Но неожиданно в его жизнь вмешивается война. Ахлестышеву вместе со своим сокамерником удастся бежать. Волей судьбы в охваченной пожаром и грабежами Москве он встречает Ольгу, и в одну секунду все меняется для беглого каторжника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229907-0

• 1 •

ПОВЕГ

2 сентября 1812 года¹ арестант Петр Ахлестышев проснулся рано. Свет в зарешеченном окне едва брезжил. Остальные узники еще спали. В камеру, рассчитанную на двенадцать человек, набили почти тридцать. Люди лежали под нарами, на полу в проходе и даже возле порога. Вчера прошел слух, что армия отступает и Наполеон вот-вот придет в Москву. Губернский тюремный замок — известная Бутырка — был переполнен. В него свозили арестантов из других городских тюрем, а также из западных губерний, захваченных уже неприятелем. Опытные колодники разнюхали, что всех сидельцев Бутырки пешим ходом отправят не то в Рязань, не то в Нижний Новгород. Люди были возбуждены этими слухами; камера едва уснула под утро.

¹ Все даты в книге даны по старому стилю. (*Здесь и далее — прим. автора.*)

Ахлестышев тоже переживал. Неделя, как ему зачитали приговор и заковали в ножные кандалы. Столбовой дворянин, бывший геттингенский студент, небогатый помещик и сибарит — а теперь каторжник. Отверженный, вышвырнутый из общества и помещенный к отбросам. Шпагу над головой в суматохе сломать еще не успели¹, не обрили голову и не наложили на лицо клейм — ну так сделают это в Нижнем. Неужели все? Так и помереть на этом зловонном дне? Или война вдруг перепишет судебные приговоры? Есть над чем подумать пропадающему человеку...

Арестант был молод — двадцати пяти лет от роду. Темноволосый, с короткой, начинающей отрастать бородой, он ничем не выделялся бы из толпы. Тонкое сложение при высоком росте выдавало бывшего барина. Глубокая складка между бровей указывала, что человек хлебнул лиха.

Во всем остальном наружность Ахлестышева представлялась самой обыкновенной. Некогда холеное лицо выглядело сейчас вполне заурядно. Вот глаза были особенные — умные и сосредоточенные. Такие глаза встречаются у людей думающих и сильно чувствующих.

¹ Лишение дворянства сопровождалось гражданской казнью, при которой над головой осужденного ломалась шпага.

И еще виделась в этих глазах потаенная, ставшая уже привычной тоска.

Неожиданно Петр поймал на себе чей-то взгляд. От порога на него смотрел вчерашний новенький. Под вечер в камеру привели двоих: его и неприятного надутого поляка. Рослый, русоволосый, с трехдневной щетиной на чистом лице, этот человек назвался в камере Василием Ивановым, клинским мещанином. Понимающие люди только хмыкнули. И манеры, и осанка выказывали в новичке бывшего офицера. Но если хочется его благородию называться мещанином — пусть. Видать, причины на то имеет... Однако уголовным новенькие — материал для жестоких забав, и Василия Иванова тут же взяли в оборот. Степка Дырявый, вор из свиты Лешака, не прождал и минуты. Подошел к «мещанину», дернул его неавантажно за рукав и потребовал:

— Ну-кось, покажи, что у тебя в карманах-то. И кафтан сьмай, не по чину он тебе.

— Зачем это? — нахмурился новенький.

— А обычай таков. По всем тюрьмам эдак, и все подчиняются, никто не ропщет. Потому начнешь роптать — хуже станет.

— Какой еще обычай? Пошел к чертям, дрянь-человек!

— Обычай знатный, — усмехнулся Степка беззубым ртом (зубы выбили в драках). — Мы, фартовые, завсегда вас, чухлому, доить должны.

Навроде как коров али коз. Так что зенками мне тут не крути и шифтан¹ без разговоров скидавай, если бока твои тебе дороги. Говорю: обычай, по всем тюрьмам один. Попала собака в колесо: визжи, а бежи!

— По какому праву обычай? Ты сам его придумал, что ли?

— Э-эх... Талдычишь тебе, талдычишь, а не впрок. Последний раз разъясню, потому вижу, что неученый. Слушай и запоминай. Мы — каторжная соль. А вы, которые сюда попали от сохи на время, у нас заместо прислуги. Захочу я тебя в порошок стереть — и не будет мне в том препятствий. Так, брат, тюрьма устроена. Вот. Сперва ты меня повози, а потом я на тебе поезжу. Выворачивай карманы, покудова мое величество не осерчалось...

— Это я сейчас осерчаю, — ответил «мещанин», нимало не тушуясь. — Отец мой не кланялся и мне не велел. Пошел отсель, песья лодыга, со своими обычаями!

— Ба, да мы гордые! — спрыгнул с нары военный дезертир Точиллов. — И видать, в карманах чего есть, раз отдавать не хочет. Подержи-ка его, Степка, а я обыщу.

Дырявый схватил упирающегося новичка за плечи, а Точиллов достал маленький арестантский нож — жулик. Однако «мещанин» оказал-

¹ Ш и ф т а н — кафтан, армяк (*жафг.*)

ся не из пугливых. Ударом сапога в причинное место он опрокинул дезертира на пол, а Степку, изловчившись, сильно хватил спиной об печь. Озадаченные отпором, уголовные побежали в соседнюю камеру за подмогой и вскоре вернулись уже вчетвером.

— Вот, ребята, этот вельзевул добро не дает, — указал на смельчака Дырявый. — Тих, да лих! Надо его на куски порвать. Наука чтоб.

Положение новичка сделалось безвыходным. Он прижался к стене, выставил кулаки, но с четверыми как совладать? И Ахлестышев, которому понравилась храбрость незнакомца, скомандовал из своего угла:

— Отошли от человека!

Уголовные недовольно оглянулись: откуда там защитник выискался? Только-только веселье начинается...

— Слышь, барин, — оскалил гнилые зубы один из жиганов, — ты бы не лез в чужую похмель. Неровен час что случится.

— А он не барин, его лишили! — радостно пояснил Точиллов. — Теперя такой же каторжный, как и мы.

— Ну, значит, и спрос как со всех, — рассудительно пробурчал второй жиган. — Бери его в оборот, ребята!

Саша Батырь за спиной Ахлестышева приподнялся и тихо спросил:

— Пора?

Петр молча кивнул. Огромный детина спрыгнул с нары и подошел к уголовным. В камере сразу стало темно и тесно. Казалось, гигантская фигура Саши заполнила собой все свободное пространство. Драчуны тут же притихли... Батырь взял двух пришлых за грудки и просто выкинул наружу, словно котят. Потом ухватил зачинщиков, посмотрел на Ахлестышева:

— Петь, а с этими что делать? В парашку макнуть стервецов?

— Не надо, всю камеру завоняют. Поучи дураков, как на чужие карманы зариться. Только не калечь...

Получив по паре увесистых затрецин, вор с дезертиром убежали от греха подальше в коридор. А новенький поклонился своим заступникам и каждому церемонно сказал:

— Благодарю!

— Старайтесь не отходить от нас далеко, — посоветовал ему Петр и отвернулся к стене. После суда он почти не разговаривал и уж точно не хотел ни с кем заводить знакомств.

Вечер завершился без происшествий. Фартовые, получив трепку, вернулись лишь перед отбоем. Напуганные, они не стали трогать и поляка. Тот держался особняком, не представлялся соседям и вообще глядел волком. На ночь староста камеры велел ему располагаться возле параша, а смелого «мещанина» положил к поро-

гу. Согласно арестантским законам, вновь прибывшие получают самые плохие места. Потом, по мере выслуги превращаясь в старожилов, они станут передвигаться с пола на нару и от двери к окну. Лучшие места в камере — у окна возле печи, сейчас их как раз занимали Ахлестышев и Саша Батырь. Василий Иванов, или как его там, безропотно положил голову на порог и скоро уснул. Вот молодец, подумал Петр, и храбр, и нервы в полном порядке, а тут...

Поймав теперь взгляд новичка от двери, он вдруг сообразил, что тому холодно и неудобно, и махнул приглашающе рукой:

— Перебирайтесь сюда.

«Мещанин», осторожно перешагивая через лежащих, приблизился. Ахлестышев подвинулся, освобождая ему место на нарах.

— Садитесь. Следующей ночью спать будете здесь. Если не угонят... Саша, конечно, медведь, зато не холодно. Поместимся как-нибудь.

— Спасибо.

— Не обижайтесь на меня, что я давеча отвернулся. Настроение ни к черту. В каторгу идти без греха... Ну да ладно. Давайте знакомиться: Ахлестышев Петр Серафимович. Лишен прав состояния и приговорен к двадцати годам каторжных работ за убийство отставного бригадира Повалишина с супругой и слугами. Чего я, разумеется, не совершал... Здесь каждый скажет вам, что он не бивал и не гра-

бил, а сидит зазря. Но в моем случае это правда. А вы кто будете?

— Василий Иванович Иванов, клинский мещанин, — ответил новичок с едва заметной запинкой.

— Да неужели? — усмехнулся Петр. — А по-моему, вы офицер. И сюда помещены военным начальством. Видимо, вам поручено остаться в Москве, когда в нее придут французы.

— Для чего же?

— Чтобы вести разведку.

«Мещанин» покраснел и огляделся украдкой по сторонам — не слышит ли кто их разговора. Но все вокруг еще спали. Понизив голос до шепота, он произнес:

— Прошу вас никому не высказывать вашу догадку. Неужели это так заметно?

— Для того, кто умеет думать и наблюдать, да.

Офицер помолчал, потом пояснил виновато:

— Все делалось в такой спешке... Никто не предполагал, что Москву отдадут. А что именно, позвольте узнать, меня выдало? Может быть, мне удастся это изменить...

— Вы теперь должны постоянно держать в голове ваши манеры. Не забывать о них ни на секунду. А выдают вас, во-первых, прямая спина и уставный шаг.

— Это я могу! Ссутулюсь и начну семенить ногами. А во-вторых что?

— Во-вторых, у вас повадка человека с чувством собственного достоинства. А у мещан это не очень принято.

Разведчик помолчал, обдумывая услышанное, потом сказал:

— Извините, Петр Серафимович, что я не могу назваться вам настоящим именем.

— Понимаю. Ну, пусть будет то, что вам присвоили.

— У французов всюду шпионы. Поляк, что пришел со мной, возможно, один из них. Паспорт у него фальшивый.

Ахлестышев повернулся к параше, прислушался.

— Кажется, спит по-настоящему.

— Дай бог... Вот еще что хочу сказать. Завтра... точнее, уже сегодня вас поведут этапом в Нижний...

— Говорили, что в Рязань.

— В Нижний. Всех арестантов Бутырского замка. Из долговой тюрьмы и рабочего дома велено отпустить, а серьезных приказано отослать из Москвы. Я же останусь здесь — обо мне сделано смотрителю секретное распоряжение. И... прошу меня простить, но сейчас я ничего не смогу для вас сделать. Война.

— Что вы имеете в виду?

— Пересмотр вашего дела. Не до этого сейчас начальству, а у меня задание, из которого

и живой могу не вернуться. Но ежели вернусь, то обещаю...

Петр, не дослушав, перебил собеседника:

— Я от вас, милейший, и не жду ничего! Мне конец, дело решенное. Там так поработали, что ничего уж не переменить.

— Кто?

— Мои недруги. И улики подбросили, и самовидцев нашли. Все сходится так, будто это я дядюшку зарубил, чтобы наследство получить.

— Мне очень жаль. Не сомневаюсь, что вы говорите правду. Но сейчас война, понимаете?

— Конечно.

— Как только...

— Василий Иванович, или как вас там! — резко, уже второй раз, оборвал офицера Ахлестышев. — Вы словно оправдываетесь. Тут не ваша вина и не ваше дело. Оставим этот разговор!

— Ну хорошо, — примирительно сказал собеседник. — А кто тот силач, что давеча мне помог?

— Саша Батырь. Подстражный¹. Из уголовных, в Волчьей долине кистенем промышлял. Но при этом приличный человек. Как говорят в народе: не из таких, чтобы грабить нагих. Бывший наш крепостной.

— Он при вас, кажется, навроде оруженосца?

— Саша мой товарищ, — серьезно ответил Ахлестышев. — Мы дружим с детства. Я, сколь-

¹ Подстражный — подследственный.

ко себя помню, всегда с ним. Игры, рыбалки, озорство — все вместе делали. А когда он стал парнем, влюбился в старостину дочку. Фамилия его была на деревне уважаема, и Саша надеялся на положительный исход. Неожиданно староста его избранил, отказал и выгнал. А там чувства! Саша ночью полез к любимой в окошко, объясниться хотел. Видать, нашумел... Отец услышал, разбудил двух сыновей, взяли они рычаги и ворвались. Состоялась драка. Вы вчера парня в деле видели и должны догадаться, чем кончилось.

— Побил?

— Как есть. Всех троих. Отцу голову зашиб сгоряча, а сыновей просто помял. Ну и... Папенька велел Сашу заковать и отдать не в очередь в рекруты.

— И вы ничего не могли, видимо, поделаться...

— На коленях умолял! Но мне было сказано, что староста отменно ведет наше скромное хозяйство и благополучие семейства зависит от его усердия. Поэтому нанесший ему такую обиду должен быть наказан.

— Значит, Батырь — дезертир?

— Нет, забрить лоб ему не успели. Нам с Сашей тогда было по шестнадцати лет, и я не мог предать друга. Ночью залез через крышу в конюшню, где его держали. Сбил колодки, отдал все деньги, что у меня были скоплены, и благословил в дорогу... Беглеца искали и не нашли.

А четыре месяца назад я угодил сюда. Пока шло следствие, содержался в Полицейской башне, в дворянской камере. Но как лишили меня прав состояния и перевели в общий корпус, тут и началось...

— Уголовные? То, что со мной вчера?

— Да. Здесь свои порядки. Бутырским тюремным замком правит «иван» по кличке Лешак. «Иваны» среди уголовных — высшая аристократия, навроде столбовых дворян. Они всем заправляют, и их приказы исполняются быстрее распоряжений смотрителя. Лешак же знаменитая личность, из самого цвета преступного сообщества. Весь в крови! Был на Волге атаманом разбойничьей шайки. Попался, приговорен к каторге на Иркутской суконной фабрике. Бежал. Три года гулял по Московской губернии, живых свидетелей старался не оставлять. Опять попался и находится теперь под следствием, которое ловко затягивает. Лешак жуткий тип, даже тюремная стража боится его как огня. А тут явился барин... Небитый, непуганный. Для уголовных это большое развлечение. Не знаю, что бы они со мной сделали, знаю, что сделал бы я, — удавился бы, не выдержав унижений. Но этого не случилось. Только лишь варнаки начали меня задирать, как из соседней камеры случайно появился Саша Батырь. Обнял друга так, что чуть скелет не сломал! Это был подарок судьбы... Благодаря Саше я еще жив.

— Один человек сдержал всю шайку Лешака?

— Драться с Батырем дураков нет. Были сначала, да быстро повывелись. Он запросто может отлупить десяток крепких мужиков! И никого не боится. А смелость в тюрьме самое главное.

— Понятно. Но почему вы не в цепях, если вас приговорили к каторге? И голова не обрита...

— Обрить пока не успели, а цепи навесили. Но Саша их снимает.

— Как снимает?

— Руками. Звено разгибает, и все! Дважды в день опять надевает, на утреннюю и вечернюю поверку. Там начальство ходит, следит... А днем на этаже только надзиратели, они молчат.

Постепенно за разговорами наступило утро. В коридоре слышались шаги, повернулся ключ в замке, и в дверь просунулась лохматая голова стражника:

— Подъем! Оправка! Через полчаса построение!

Арестанты, с трудом отходя ото сна, стали подниматься. Началось обычное тюремное утро. Дежурные потащили парашу, кто-то крестился (в каждой камере на стене есть икона), кто-то бранился. Ложный мещанин, следуя совету Ахлестышева, держался рядом с ним и его могучим приятелем. Втроем они сходили в отхожее, кое-как умылись из глиняного рукомойника: Батырь одним движением плеча раздвинул

очередь желающих освежиться. Петр пояснил новичку, что без участия Саши воды на них не хватит.

Затем раздалось «На поверку!». Арестанты вытянулись в три шеренги на весь коридор. Ахлестышев с Сашей, в наспех подвешенных кандалах, заняли свои места. Старосты пересчитали по камерам, доложили старшему старосте, тот — коридорному надзирателю, последний — помощнику смотрителя. У всех получилось одно число — 627 человек. Смотритель все не шел. Толпа гудела вполголоса, обсуждая предстоящий этап.

— Вон, смотрите. — Петр тронул соседа локтем. — В строю первой камеры высокий детина с седой бородой. Это и есть Лешак.

Офицер всмотрелся в «хозяина» Бутырки. Один глаз с бельмом, выражение второго очень уж нехорошее.словно человек прикидывает, как бы ему половчее тебя удавить... Вокруг «ивана» толпилось до дюжины варнаков с отчаянными физиономиями — свита. Вели они себя развязно, но стражники их не одергивали.

Наконец прозвучала команда, и шеренги застыли. Быстро вошел смотритель замка, плешивый колченогий поручик. Крикнул от дверей:

— Трубочисты есть?

— Есть, — ответили из строя.

— Выходи!

Три человека выступили вперед.

— В распоряжение следственного пристава Яковлева!

«Мещанин» увидел, как у Ахлестышева вдруг самопроизвольно сжались кулаки, а по лицу пробежала судорога.

— Что случилось? — спросил он шепотом.

— Яковлев... — процедил Петр сквозь зубы. — Это он фабриковал мое дело...

— О нем идет молва как о большом мошеннике.

Ахлестышев молчал, с ненавистью глядя в угол. Там высокий господин лет тридцати, безвкусно одетый, что-то объяснял трубочистам. Потом отослал их движением руки и пошел вдоль строя. Поравнялся с Петром, остановился и злобно осклабился.

— Ахлестышев? Почему не в Сибири? И голова не обрита. Эй, поручик!

Подбежал смотритель тюрьмы.

— Так что, не успели пока, — пояснил он. — Палач захворал один, а второй запил. Ведь у меня таких семь сотен! Тут еще Бонапарт... Но в Нижнем Новгороде обязательно обреем и клейма наложим!

Пристав скривился:

— Под личную ответственность! И учтите: это опасный убивец. Самый строгий надзор! В Нижнем долго не держать, немедля услать в Нерчинск, о чем рапортом доложить московскому обер-полицмейстеру.

— Слушаюсь.

— Смотри у меня, каналья! — Яковлев погрозил Петру кулаком. — Ты на особой заметке!

И пошел дальше. Поравнялся с Лешаком, взял его за рукав и отвел к окну. Там сыщик и уголовный о чем-то долго разговаривали. «Мещанин» с удивлением заметил, что общались они весьма по-дружески. Лешак даже, смеясь, похлопал пристава по животу. Наконец Яковлев кивнул собеседнику и ушел. Лешак же вальяжно вернулся в строй и сказал своим что-то такое, отчего варнаки одобрительно загудели.

Поверка закончилась, и арестанты разошлись по камерам. Ахлестышев был бледен и задумчив. Он отвернулся от расспросов, лег на нары лицом вниз и долго молча лежал. Саша Батырь осторожно снял с него цепи. До двух часов пополудни никакой еды сидельцам не полагалось. Узнав об этом, офицер дал Саше двугривенный. Тот пошел к майданщику¹ и принес три кружки с подслащенным чаем и три большие булки. А еще новости.

— Слышь, Петр, — тронул он своего бывшего помещика за плечо, — Лешак, бают, в Москве остается.

¹ М а й д а н щ и к — арестант, ведущий в тюрьме разрешенную торговлю табаком и съестными припасами (*жарг.*).